

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

Серия «Глория и другие»

ДЕТЕКТИВЫ

НАТАЛЬИ СОЛНЦЕВОЙ

- ✓ «Ожидай странника в день бури»
- ✓ «К чему снится кровь»
- ✓ «Опасайся взгляда Царицы Змей»
- ✓ «Она читала на ночь»
- ✓ «Копи царицы Савской»
- ✓ «Все совпадения неслучайны»
- ✓ «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- ✓ «Венера Челлини»
- ✓ «Сокровище Китеж-града»
- ✓ «Этрусское зеркало»
- ✓ «Третье рождение Феникса»
- ✓ «Шарада Шекспира»
- ✓ «Яд древней богини»
- ✓ «Московский лабиринт Минотавра»
- ✓ «Печать фараона»
- ✓ «Черная жемчужина императора»
- ✓ «Испанские шахматы»
- ✓ «Монета желаний»
- ✓ «Магия венецианского стекла»
- ✓ «Загадка последнего Сфинкса»
- ✓ «Кинжал Зигфрида»
- ✓ «Золотой идол Огнебога»
- ✓ «Часы королевского астролога»
- ✓ «Ларец Лунной Девы»
- ✓ «Золото скифов»
- ✓ «Амулет викинга»
- ✓ «Звезда Вавилона»
- ✓ «Мантия с золотыми пчелами»
- ✓ «Красный лев друидов»

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

ПОРТРЕТ КАВАЛЕРА
В ГОЛУБОМ КАМЗОЛЕ

АСТ•Астрель
Москва

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь — это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша
Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«...любое из движений,
Которые снуются в полумраке,
Подчинено таинственной игре
Какого-то неведомого бога...»
(Хорхе Луис Борхес)

~ ГЛАВА 1 ~

Конец XIX века. Усадьба Останкино.

Рабочий Иван Тюнин, предки которого были крепостными у графов Шереметевых, ненавидел это поместье. Должно быть, еще его деды и прадеды гнули тут спину на господ, а теперь и ему приходится. Хотя и не рабская у него доля, все же живет он в жестокой бедности, трудится с утра до вечера, потом соленым обливается...

Иван копал землю лопатой, — размеренно, привычно, отбрасывая грунт в сторону и углубляя яму рядом с фундаментом восточного флигеля, который требовалось укрепить. В перерывах бегал с жестяным ведром по воду к колодезю позади двора, пил, отдуваясь, плескал в серое от пыли лицо.

Копать было тяжело. Лезвие лопаты натыкалось то на камни, то на ржавые железки, то на гнилые доски...

— Мать честная! — воскликнул Иван, заглядывая в раскоп. — Кажись, могилка...

Он отпрыгнул и перекрестился. Орудие его в самом деле разрушило трухлявый гробик, годящийся

разве только для малолетнего ребеночка. В земле, между обломками гроба, желтели крохотные косточки.

— Мать честная... — шепотом повторил рабочий и наклонился ниже.

Среди косточек что-то блеснуло. Может, нательный крестик? Иван сунул заскорузлые пальцы в могилу, нащупал твердую круглую штукювину, достал и очистил от темного налета.

— Кольцо... небось дорожущее...

Кольцо было массивным, с каким-то знаком и гладким красным камнем в середине. Кто и зачем положил его в детский гробик? Вероятно, безутешная мать или скорбящий отец...

Иван воровато оглянулся — нет ли кого поблизости — и сунул перстень в карман грязных холщовых штанов. Схватил лопату, поспешно зарыл косточки поглубже, бормоча под нос слова молитвы... словно прося прощенья у маленького покойника.

Вечером по дороге домой подошла к нему горбатая нищенка в жалких лохмотьях.

— Тебе чего, старая? — окрысился Иван. — Копеечку подать? Нету... не заработал еще! Сам гол да бос...

— Выбрось кольцо, Ванька! — злобно прошипела горбунья и погрозила ему клюкой.

— Тю-ю... ты кто такая, чтобы мне указывать?

— Выбрось кольцо в колодец позади усадьбы! Иначе сам туда нырнешь...

— Пошла прочь!

Только он замахнулся на нищенку, а ее уж и след простыл. Исчезла, будто растворилась в воздухе. Боязно стало Ивану, по телу дрожь прокатилась, аж зубы застучали. Откуда горбунья про кольцо узнала? Никак, подглядывала за ним, старая кляча?

Всю ночь он ворочался на лежанке за печью, ломал голову, как бы повыгоднее сбыть драгоценную на-

ходку. А поутру отправился в Москву, к знаменитому скупщику краденого на Хитровом рынке.

Тот долго вертел в руках кольцо, потирал затылок, думал.

— Ладно, беру. Сколько просишь?

Иван назвал баснословную, по его разумению, сумму. На удивление, скупщик не торговался и сразу выложил денежки. Не веря своему счастью, рабочий поспешил в трактир, — пить, закусывать, хвалиться неслыханной удачей.

На следующий день перстень был продан почтенному господину по имени Максим Карлович Геппенер. У того глаза загорелись при виде вещицы...

— Слышал я, вы такими штукаами интересуесь. Решил шепнуть знакомому человечку.

— Где взял? — спросил Геппенер у скупщика.

— Один мужичонка в Останкине откопал. Там фундамент господской усадьбы укрепляют, он и нашел. Темный мужик, невежда...

— Беру. Сколько?

Барыга запросил вдвое больше того, что заплатил Тюнину. Господин кивнул, рассчитался и, довольный, похлопал его по плечу.

— Ты помалкивай, милейший, какую вещь в руках держал и кому продал. Понял?

— Как не понять? Моя коммерция огласки не любит...

— Вот и хорошо.

Максим Геппенер был известным в Москве архитектором, выполнял муниципальные городские заказы. Тем же вечером, сидя в своем кабинете, он пристально рассматривал в лупу купленный перстень...

Ночью ему не спалось. Он оделся и вышел прогуляться по пустынным улицам, освещенным газовыми фонарями. Из темной подворотни ему под ноги метнулась косматая старуха в лохмотьях, похожая на ведьму. И предупредила, что-

бы он как можно скорее избавился от нового приобретения.

Через пару дней на заднем дворе Останкинской усадьбы, в колодеце, землекопы обнаружили труп Ивана Тюнина...

* * *

Подмосковье. Деревня Черный Лог. Наше время.

В январе, несмотря на холода и снежные заносы, Глория решила на переезд в купленный накануне Нового года дом.

Купчая была оформлена нотариусом фирмы «Зебрович и партнеры», которую основал ее покойный муж. Глория настояла, чтобы продавец получил полную стоимость дома, определенную экспертами по оценке недвижимости.

— Ты должен взять эти деньги, Санта, — потребовала она. — Иначе сделка не состоится.

Великан горячо протестовал, но Глория осталась неумолима.

— Или ты берешь деньги, или... ищи себе другого покупателя.

Преыдуший хозяин приучил Санту к беспрекословному повиновению. Поэтому тот смирился.

— Знай, что ты в любой момент сможешь расторгнуть наше соглашение, — втолковывала ему Глория. — Ты не раб и не обязан работать на меня. Если наше сотрудничество не придется тебе по душе, ты волен будешь уйти, переехать куда угодно... и сумма, вырученная за дом, послужит своего рода страховкой. Эти деньги поддержат тебя на первых порах, и если ты станешь распоряжаться ими экономно, то...

Санта не мог этого вынести.

— Ваши слова ранят больше, чем ругательства и проклятия, — обиженно бубнил он. — Вы хотите про-

гнать меня? Лишить последней опоры в жизни? Отнять все, что придавало смысл моему существованию?

— Не говори глупости...

— Лучше убейте! — не унимался седовласый верзила. — Хозяин приказал мне служить вам, как я служил ему. Я не смею его ослушаться...

— Только-то? В таком случае я освобождаю тебя от всех обязательств и данных обещаний.

— Я ничего ему не обещал... Таково было его желание, которое я прочитал между строк завещания.

— Ты умеешь читать между строк?

— Пожили бы вы с мое рядом с таким человеком, как Агафон, и не тому бы научились.

— Пойми, — терпеливо объясняла Глория. — Я не собираюсь нарушать нашу договоренность. Ты останешься в доме на прежних правах... и будешь делать все то же, что и делал. Однако если вдруг тебе надоест твоя роль и твое положение, — ты сможешь беспрепятственно покинуть Черный Лог и жить так, как захочешь.

Санта чуть не плакал, готовый любыми способами доказывать свою преданность.

— Женщине нельзя одной в глуши! Разве вы управитесь с хозяйством? Отопление, сантехника... водяной насос... электричество... — заунывно перечислял великан. — А кто будет смотреть за машиной? Привозить продукты? Работать в саду?

— В конце концов, найму кого-нибудь.

— Из местных вы сюда никого калачом не замани-те. Они этот дом за версту обходят. Хозяина все уважали... и боялись. Страх сильнее желания заработать!

— Ну, так в Москве желающие найдутся.

— Посторонних людей к себе приближать опасно, — возразил Санта. — Тем паче в дом пускать. Нынче каждый... себе на уме. В деревне хоть все на виду, а городские — темные лошадки...

Глория закатила глаза и развела руками. Видит бог, она сделала все, чтобы Санта не чувствовал себя обязанным прислуживать ей, как прислуживал Ага-

фону. Тот имел физические изъяны, которых у нее, к счастью, нет. Она сама в состоянии о себе позаботиться. И денег у нее достаточно. За полгода после гибели мужа она сумела вернуть фирме «Зебрович и партнеры» прежнее финансовое благополучие. Теперь Колбин доверяет ей, как когда-то доверял покойному Анатолию*, — их отношения потеплели и стали почти дружескими. Она ясно дала понять Колбину, что не претендует на руководство компанией. Бразды правления останутся у него, а Глория будет помогать советами. Такой опыт уже принес неожиданно хорошие результаты, и Колбин с радостью согласился. Разумеется, он постарался скрыть эту свою радость. Чтобы вдова бывшего компаньона не слишком задирала нос.

— Агафон посторонних не нанимал, — гнул свое великан. — Мы с ним обходились своими силами. Если что-то починить требовалось, я сам это делал. У меня же золотые руки! Водка-злодейка мою душу чуть не сгубила, а хозяин меня спас. Не позволил на дно жизни скатиться... Вы с него пример берите, Глория Артуровна! Он не зря в захолустье поселился, от людей подальше, к природе поближе. Здесь красота, покой... и тишина...

Великан разошелся: то Агафона превозносил, то себя расхваливал, пока Глория не потеряла терпение.

— А как же клиенты? Как же те люди, что приезжали сюда? Зачем Агафон с ними встречался? Жил бы себе припеваючи в тишине и покое.

Санта смущенно отвел глаза. Упоминание о странных занятиях Агафона до сих пор повергало его в растерянность.

— Будто вы не знаете, — сердито буркнул он, отворачиваясь в сторону и разглядывая узоры на обоях. — У хозяина планида такая была...

— Судьба, что ли?

* Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

— Ну да... судьба... Вот и вас она почему-то в Черный Лог забросила из столицы. Разве вы собирались в деревню переезжать?

— Нет... — честно призналась Глория. — Такого у меня и в мыслях не было.

— То-то!..

При этих словах Санта поднял вверх указательный палец и загадочно улыбнулся. А Глории стало невесело. Разве она думала когда-нибудь, что в двадцать восемь лет овдовеет?.. Что сама чудом избежит смерти?.. Что произойдет с ней нечто совершенно дикое, невероятное... о чем никому не расскажешь?..

Должно быть, это плата за чудесное спасение, которую взимают с нее ангелы-хранители. Или новый плен! Попала она, как в народе говорят, из огня да в полымя...

— Ладно... иди, Санта, — устало вымолвила она, опускаясь в мягкое кресло с высокой фигурной спинкой и гнутыми ножками, похожее на царский трон.

Глория сразу облюбовала его, и оно, кажется, тоже с радостью приняло ее в свои ласковые объятия. Для прежнего хозяина кресло было неудобным, — слишком громоздким. А для Глории — в самый раз. Она всегда мечтала о таком. Не зря же Агафон называл ее «моя царица»...

Образ карлика здесь в доме стал являться ей гораздо чаще. Этот странный человек с лицом принца и уродливым телом не успокоился, не угомонился в небытии... а продолжал докучать новой хозяйке своими саркастическими комментариями и зловредными фокусами. Он и после смерти продолжал довлеть над ее волей. Ему все удалось! Он навязал ей свое жилище, своего слугу, свои колдовские чары... и свою «планиду»...

— Тьфу ты! — тряхнула головой Глория. — Прочь! Сгинь...

В ту же секунду в проеме двери показалось румяное бородатое лицо Санты в обрамлении белоснежной шевелюры, подстриженной в скобку.

— Звали, хозяйка?

— О боже! — простонала она, прижимая ладони к горящим щекам. — За что на меня свалилась такая напасть?

Вечером прикатил из Москвы Роман Лавров — начальник охраны компании «Зебрович и партнеры». Поздравить с новосельем, поужинать вместе.

— Колбина не узнать, — сообщил он, внося в дом пакеты с продуктами. — Посвежел, помолодел и воспрянул духом. Понял, что без Зебровича бизнес не накроется. Кстати... как тебе удалось заслужить его доверие?

— Я просто делала то, что на моем месте делал бы любой толковый менеджер.

— Но ты никогда...

— Да, раньше я не интересовалась ни финансами, ни бухгалтерией фирмы, — не было нужды. Этим занимался мой муж. Теперь кое-что изменилось, если ты помнишь...

Глории не хотелось обсуждать ни отношения с Колбиным, ни свои деловые успехи. Она сама не могла объяснить, как сумела не только удержать компанию на плаву, но и добиться получения прибыли. Откуда ни возьмись, ей в голову приходили идея за идеей. Она отправилась к Колбину, — сначала тот и слушать не желал вдову. Но Глория преодолела его скепсис. Он рискнул запустить предложенный ею проект и... о чудо! Все прошло как по маслу...

«Деньги не любят суеты и натужных усилий, — не устанно повторяла она. — Отпустите ситуацию и пожинайте плоды».

«Легко у вас получается, Глория Артуровна!» — сомневался бывший заместитель ее мужа, а ныне глава компании.

«Вы предпочитаете трудности, Петр Ильич?»

Разумеется, он желал бы зарабатывать много и без лишних усилий. Но разве это возможно? Разве не упорный труд — основа жизненного благополучия?

Невольно вспоминая покойного компаньона, Петр Ильич вынужден был признать, что тому все давалось играючи. Бывают же везунчики?! Баловни фортуны!

В ответ на это перед его глазами вставала картина страшной гибели Зебровича, — искореженный «мерс», окровавленное тело, — и Колбин тут же корил себя за неуместную зависть. Стыдно...

Компаньон, который заправлял бизнесом, умер в результате аварии, и Колбин остался один на один с банками, партнерами и непредсказуемым кризисным рынком. Не ощути он себя утопающим, ни за что не схватился бы за соломинку в лице вдовы Зебровича. А так... обстоятельства вынудили.

Надо признать, после случившейся трагедии Глория стала другой. В ней изменилось все, — от манеры одеваться до фамилии. Она прекратила флиртовать со всеми подряд, транжирить деньги и глупо хихикать.

Но человек не в состоянии полностью переkreпить себя. Должно быть, Колбин был несправедлив к Глории. Он имел о ней предвзятое мнение. Пришло время пересмотреть старые подходы.

Из яростных противников они постепенно превратились в добрых друзей.

Она обезоруживала Колбина своей невозмутимой доброжелательностью и дельными советами. Где та капризная избалованная гламурная дамочка, бесившая его своими дурацкими выходками? Глория, которая недавно путала дебет с кредитом, вдруг обнаружила недюжинные способности к бизнесу. Правда, это были чисто интуитивные подсказки... но игра стоила свеч. Колбин отважился на эксперимент и не пожалел.

Временами его посещала смутная догадка, что не все чисто с этой «прекрасной вдовой». Однако в чем именно заковыка, он понять не мог. Может, вся хитрость в перемене фамилии?

Тот же вопрос волновал и Лаврова. Он даже заинтересовался генеалогическим древом Голицыных. Неужто Глория в самом деле княжеского рода-племени?..

Подтвердить это, равно как и опровергнуть, оказалось не просто. Голицыны дали многочисленное разветвленное потомство, и проследить все линии рода не представлялось возможным. Не хватало сведений о десятках представителей княжеской фамилии, которые ведь тоже сочетались браком, рожали детей...

Кроме того, появились однофамильцы, которые вообще не имели отношения к родословной Голицыных. Разбираться в сей путанице Лавров не стал. Лень, да и времени жалко. Какая ему разница, из *тех самых* Голицыных отец Глории или нет? Главное, она больше не Зеврович. Она вернула себе девичью фамилию и этим поступком как бы отмежевалась от своего прошлого.

Лавров ревновал ее к мужу, когда тот был жив, а теперь, когда она овдовела, продолжал ревновать к кому-то неведомому... кто мог появиться на ее пути и кем она могла увлечься. По сути, ревность к несуществующему мужчине — фантому, созданному воображением Лаврова, — казалась сумасшествием. Но тем не менее...

Смешно сказать, он ревновал Глорию даже к бывшему хозяину дома, в котором она поселилась! В доме витал дух чертова карлика, — то ли колдуна, то ли безумца, выдававшего себя за мага и прорицателя. Хотя... после мучительного самокопания Лавров пришел к выводу, что каждый человек по-своему безумен. Он тоже не исключение. Разве его отношения с Глорией нормальны? Вернее, никаких отношений еще и в помине нет, а ревность уже глохнет. Закрутить с хозяйкой служебный роман было бы дурным тоном. А иного не получится. Она — совладелица фирмы, он — подчиненный. Правда, между ними завязалась взаимная симпатия... даже дружба. Опять-таки — странная дружба. Он любит Глорию... она позволяет ему проявлять свои чувства. Умеренно. Чуть только у Лаврова закружится голова, ему тут же укажут его место. Тактично, корректно... и оттого еще более оскорбительно.

Он не понимал ее. Она не искала взаимопонимания. Принимала нелепые решения. Совершала несую-

разные поступки. Каким ветром Глорию занесло в Черный Лог? Променять светскую жизнь на прозябание в деревенской глуши... Да она здесь засохнет от скуки!

Лавров до последнего надеялся, что Колбин не даст ей денег на покупку дома. Однако полученные благодаря вдове дивиденды вынудили его раскошелиться.

— Ты не будешь бояться жить здесь? — спросил начальник охраны, разглядывая гобелены со сценами королевской охоты.

— Санта не даст меня в обиду.

— Я не это имел в виду. Сама атмосфера тебя не гнетет? Ты почти ничего не поменяла, — ни мебели, ни обоев... ни люстр...

— Зачем? Меня все устраивает.

— По комнатам не бродит тень карлика?

— Пока видеть не доводилось, — солгала она.

Глория собиралась сегодня заночевать в доме первый раз, и Лаврову было это известно. Он нарочно пугал ее. Вдруг попросит остаться?

Она не попросила.

На ужин великан запек гуся с яблоками и подал красное вино из запасов Агафона. Молчаливый и насуспенный, он с проворством вышколенного официанта накрыл на стол.

— Ты сносно готовишь... — похвалил его стряпню Лавров.

Слуга не удостоил гостя даже взглядом. Он старался угодить хозяйке, а на Лаврова ему было наплевать.

— Я не считаю Санту надежным охранником, — заявил Лавров, когда тот удалился. — И вообще, зря ты отказалась от камер наружного наблюдения.

— Мне не нужны камеры. Агафон как-то обходился без них! И я обойдусь.

— Ну-ну...

Лаврова все раздражало. Вкусный ужин, отменное вино, отсутствие страха в глазах Глории и, главное, то, что она не просила его провести с ней первую ночь под крышей мрачноватого дома.

— Ей-богу, здесь свили себе гнездо призраки, — сказал он, поеживаясь. — Именно в таких жилищах они и селятся.

Глория пожала плечами.

— Решила похоронить себя в этом медвежьем углу?

— Наоборот, начинаю новую жизнь, — возразила она.

— Неуютно мне тут, — признался Лавров. — Поеду, пожалуй... Спасибо за угощение.

Хозяйка не стала его задерживать...

~ ГЛАВА 2 ~

Москва.

Господин Зубов, глава инвестиционной компании «Крез», изучал рейтинги ценных бумаг. В его кабинете на седьмом этаже офисной высотки все напоминало контору старого английского банка, — чопорность и умеренный комфорт. Строгая мебель, минимум технических средств, темные кожаные диваны, мягкие шторы вместо новомодных жалюзи. Из окна открывался живописный вид на Замоскворечье.

Зубов устало потер переносицу и откинулся на спинку кресла. Он прикинул, сколько денег нужно изъять из оборота, чтобы достроить наконец свое загородное поместье, и ужаснулся. Сумма вышла приличная. Наверное, он слишком размахнулся. Надо бы пересмотреть смету, ужаться. А не хочется! Приятно чувствовать себя баринoм... покровительствовать искусству, жертвовать на благотворительность, пополнять коллекцию живописи...

— Ох-хо-хо... удовольствия нынче недешевы... особенно интеллектуальные, — пробормотал он и погрузился в размышления.

Было слышно, как тикают подаренные на юбилей часы с алмазной россыпью вокруг циферблата. Эти часы, сделанные на заказ, преподнесли ему сотрудники компании вкладчину. Неужели ему стукнуло сорок пять? *Уже* сорок пять! Время неумолимо...

Кажется, только вчера он окончил университет, работал инженером на подмосковном заводе... попал под сокращение, махнул в столицу, увлекся биржевой игрой. Ему везло. Первые деньги прокутил, — снял деревянный дом в деревне и неделю пьянствовал с друзьями. Дом был просторный, из крепких бревен, с настоящей русской печью. Стол ломился от деликатесов. Французский коньяк закусывали черной икрой, шампанское плескали в парной бане на каменку вместо травяного отвара, потом выскакивали голые на мороз, катались в снегу... Привезенные из города «девички по вызову» развлекали хмельную компанию стриптизом и интимными услугами за счет Зубова, пока тот не остался без копейки. Было не жаль бездарно потраченных баксов. Легко пришли, легко ушли...

Именно с той ошалелой попойки и началась его коллекция. Хозяин, у которого Зубов снимал дом, предложил купить у него картину. Старинное полотно, работу крепостного художника...

«Мы из потомственных купцов будем, — хвалился старик. — После войны от всего нажитого добра осталась только эта картина. Чудом уцелела. Восемнадцатый век! Истинно говорю! Гляди, какие трещинки по краске пошли... За нее знаешь, какие деньжищи в антикварном магазине отвалят?»

«Так и неси ее в антикварный магазин... — едва ворочая языком, отвечал Зубов. — У меня, папаша, карманы пустые! Раньше надо было предлагать...»

«Не... — упрямо качал головой тот. — В магазин не понесу. Тебе хочу продать! Приглянулся ты мне...»

«Тогда даром давай картину, старик...»

«Даром не получишь, — рассердился хозяин. — Ишь, губу раскатал! Даром ему подавай...»

«Ну, нет так нет...»

Зубов во хмелю даже не разглядел толком полотно и почти сразу забыл о нем. Однако хозяин на прощанье напомнил ему о своем предложении.

«Когда опять разбогатеешь, сынок, приезжай, — со слезами в голосе вымолвил он. — Картина тебя ждать будет. Не собирайся долго. Боюсь, помру... и не увидимся боле. А картину кто-нибудь чужой к рукам приберет. Не простая она... не тут ее место...»

После того кутежа Зубова от спиртного отвернуло. Перебрал сильно, месяц даже запаха алкоголя не переносил. Потом попустило.

Мысли о «картине крепостного художника» крепко засели у него в голове. Вдруг и правда антикварное полотно? Находят же картины баснословной стоимости на чердаках и в кладовках, среди никчемной рухляди? А он свое счастье сдуру проворонил!..

Очередная успешная биржевая операция принесла Зубову немалую прибыль, и первое, что он сделал, — отправился в ту самую деревню. Страшился, опоздает, не застанет старика в живых. Но тот сидел во дворе, словно поджидая дорогого гостя... Кинулся навстречу, лобызаться. Прослезился от радости.

«Это ты, сынок! Я знал, что приедешь...»

«Давай картину, папаша. Не передумал еще продать? Я деньги привез».

«Деньги... хорошо... — кивал седой головой хозяин. — На похороны мне хватит?»

«Хватит и еще останется. Я нынче щедрый!»

Старик метнулся в дом и вынес замотанное в чистую холстину полотно.

«Бери, сынок... Увидишь, она тебе службу сослужит! Береги ее... никому не показывай...»

«Это почему?»

«Сам поймешь...»

«Хитришь, папаша? Зря! Я к тебе со всей душой...»

Дед спрятал деньги в карман широких штанов и сразу потерял к гостю интерес. Заскучал, пригорюнился.

Зубов стоял посреди двора, переминаясь с ноги на ногу. Ждал, что старик его в дом пригласит, медом угостит, чаем из родниковой воды. Но тот сел на скамейку и застыл, словно истукан. Иди, мол, мил человек, откуда пришел.

Зубов вздохнул, взял картину под мышку и зашагал к своей подержанной иномарке. В ту пору он только такую машину мог приобрести. И на нее все косились с завистью...

Теперь-то он на роскошном внедорожнике разбегает, — серебристом «лексусе». А былого счастья уже не испытывает. Годы, возраст... привычный достаток. Ничем его не удивишь, ничто ему не в диковинку.

Зубов встал из-за стола и подошел к окну, залюбовался белыми крышами домов, церковными маковками, облитыми закатным солнцем.

А ведь та картина всю его жизнь перевернула, исковеркала. Или, наоборот, одарила невероятно...

Зубов вспомнил, как дома развернул полотно, водрезил на письменный стол и долго смотрел на него в недоумении. Портрет и портрет... видно, что давний, — верхний слой краски потрескался от ненадлежащего хранения или просто от времени. На обратной стороне холста, — подпись автора, неразборчивая, размашистая. Не прочитаешь.

«Надул меня старый хрыч, — беззлобно подумал Зубов. — Всучил задорого обычную мазню. Не всякая живопись ценится, пусть даже и восемнадцатого века».

Поскольку тогда еще он был полным профаном в искусстве, то решил обратиться к музейному реставратору. Из любопытства. Благо, тот проживал по соседству и нередко перехватывал у Зубова деньги до зарплат. Семья у реставратора — семеро по лавкам, а государственное жалованье мизерное.

«Хоть плачь! — жаловался он Зубову. — Я бы кооперативную палатку открыл, да капитала нету. Вот,

вынужден перебиваться... детишкам на молочишко. Стыдно просить, а что делать?»

«Ты бы, Аполлинарий Акимыч, с частными коллекционерами пообщался. Руки у тебя золотые, опыт накоплен, — спрос на твой труд непременно появится».

«Нет во мне коммерческой жилки, — сокрушался реставратор. — Не умею я себя рекламировать... А без этого нынче беда!»

«Как же ты собрался палатку открывать? Прогоришь ведь...»

«Прогорю, — понуро кивал незадачливый отец семейства. — Видно, судьба моя такая: влачить дни свои в нужде и бедности. Детишек только жалко...»

«Зачем же ты наплодил их, Акимыч?»

«На то не моя воля, — Божья! Сколько Бог дал нам с женой приплоду, столько мы и растим. Супруга моя — верующая, на грех не способная. И я с ней в том солидарен. Дети — наш крест. Господь терпел и нам велел...»

Такие весомые аргументы ставили Зубова в тупик. Он терялся и смущенно отводил глаза.

«Хочешь, я тебе работенку подкину?» — однажды предложил он реставратору.

«Какую? — нахмурился тот. — Грузчиком, ящики таскать? Не пойду. Мне руки беречь надо».

«Помилуй, брат, зачем же сразу грузчиком? У меня магазинов нет, и палаток я не держу. Мне тут картину подкинули старинную... в порядок ее привести требуется. Сможешь?»

«Попробую...»

«Ну так зайди ко мне в свободное время. Поглядишь, консультацию дашь... не обманул ли продавец. Правда ли, что полотно художник восемнадцатого века написал?»

«Ого! — загорелся Акимыч. — Восемнадцатый век? И сколько же с тебя взяли?»

Зубов, поколебавшись, назвал сумму. Не хотелось глупо выглядеть перед соседом, но выяснить истинную стоимость картины было интересно.

Реставратор его обнадежил.

«Если полотно не подделка, то почти даром тебе досталось, — заявил он. — Сегодня вечером приду. Ты когда дома будешь?»

«После девяти...»

На том и постановили.

К вечеру Зубов закрутился с делами, засиделся за биржевыми отчетами, и опомнился, когда совсем стемнело.

Сосед не забыл о своем обещании и поджидал его на лестничной площадке.

«Слушай, Акимыч, у меня из головы вылетело, что мы с тобой договорились встретиться, — извинился Зубов. — Может, наутро экспертизу отложим? Устал я. Мозги плавятся за целый день...»

«Утром я на работу иду. Это ты — вольная птица. А я, брат, служивый человек!»

«Давно ты тут стоишь?»

«Минут двадцать... Я тебе в дверь звонил, звонил, решил, что ты уснул. Хотел домой возвращаться...»

Зубову стало неловко за свою забывчивость.

«Ладно, заходи, Акимыч, — сказал он, пропуская соседа в квартиру. — Чаю хочешь?»

«Нет... меня жена ужином накормила. Давай сразу к делу. Где картина?»

Зубов провел его в гостиную и показал закрытое куском материи полотно.

«Вот...»

Странное волнение охватило его, когда Акимыч подошел к портрету и снял с него покров, — будто сию минуту на его глазах свершалось некое таинство.

Реставратор молча рассматривал картину, сначала просто так, а затем через лупу, которую принес с собой. Зубов с нетерпением ожидал вердикта.

«Тебя не обманули, — наконец изрек сосед. — Кажется, это действительно восемнадцатый век...»

«А что за художник? Известный?»

«Я бы не сказал...»

«Но ты можешь прочитать его фамилию?»

«Написано неразборчиво, — покачал головой Акимыч. — И главная ценность портрета не в этом...»

«А в чем?»

«Не торопи меня...»

Он долго и тщательно изучал картину с обеих сторон, и его глаза все больше разгорались.

«Кто изображен на портрете? — не выдержал Зубов. — Ты знаешь?»

«Полагаю, это старинная копия одного необычного полотна...»

«Копия?! Я так и думал! О черт! — разозлился вдруг Зубов. — Копия! Меня надули!»

Реставратор не обратил на его возмущение внимания.

«Сомневаюсь, чтобы это был подлинник... слишком невероятно...» — бормотал он.

«Невероятно? Почему?»

Сосед оторвался от картины и поднял глаза на Зубова.

«Каким образом он попал к тебе? Где ты приобрел этот портрет?»

«Коммерческая тайна...»

«Вряд ли он уцелел после... после...»

«После чего? Не беси меня, Акимыч... говори толком!»

«Думаю, это все-таки копия... Подлинника никто не видел после войны с Наполеоном...»

~ ГЛАВА 3 ~

Черный Лог.

Глории снова приснился сон, преследующий ее с детства, — бесконечная анфилада комнат, сияние люстр, распахнутые окна, темный сад... по аллеям прогуливаются короли и оборванцы, принцессы и простолюдники... нагие влюбленные обнимаются в увитых плющом беседках... за ними подглядывает угрюмая смерть с косой...

— А-а! — Глория с криком проснулась и села на постели.

Она поселилась в той самой комнате, где когда-то ее держали пленницей*. У кровати на стене — тот же гобелен «Русалочья охота», как называл его предыдущий хозяин дома, карлик Агафон. Здесь, в этой комнате, она впервые его увидела. И поразилась вопиющему контрасту между красотой его лица, изысканно-

* Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

стью манер и отталкивающим безобразием фигуры. Могучие плечи и короткие кривые ножки, длинные обезьяньи руки, висящие вдоль непомерно массивного туловища. Поначалу она приняла его за горбуна. Ее ввели в заблуждение бугры мышц на спине уродца.

Глория вздохнула и вспомнила слова карлика о мудрости. Женщины не умеют любить мудрость, они непременно влюбляются в мудреца...

— Ты был прав, тролль... — прошептала она, прижимая ладони к горячим со сна щекам. — О, как прав!..

Напротив кровати украшал стену другой гобелен, — «Встреча царя Соломона с царицей Савской», — пышная придворная сцена, где мужчина и женщина застыли в преддверии чего-то куда более значительного, чем обыкновенный прием во дворце владыки Иерусалима.

Распущенные локоны царицы позолотил рассветный луч, мазнул розовыми отблесками драгоценную корону царя. Глория поняла, что наступило утро... и солнце светит не в знойном Израиле, а за окнами ее спальни.

— О-о-ооо! — простонала она, падая обратно на подушки. — Ужасный сон... Смерть с косой... Надеюсь, меня это не касается...

Она вспомнила, как умирающий карлик схватил ее за руку и вместе с последним пожатием передал ей свою колдовскую силу. Теперь она — *сосуд*, наполненный черт знает каким содержанием...

«Ты понятия не имеешь, чего от себя ожидать! — захихикал карлик прямо ей в ухо. — С тобой начнут твориться невообразимые вещи!»

— Бред, — выдохнула Глория. — Сущий вздор! В наше время такие штуки откалывают только в книжках по магии и фильмах на ту же тему. Я осталась прежней Глорией, несмотря на зловещие фокусы Агафона.

«Что же ты здесь делаешь? — язвительно осведомился он. — Почему взяла в услужение Санту? Поче-

му обитаешь в жилище колдуна? Каким образом мы с тобой беседуем? А? Это уже явные признаки твоего нового состояния... Ты перерождаешься, моя царица!»

— Какие еще признаки? — возмутилась Глория. — Что ты несешь?

Вместо ответа в дверь кто-то поскребся.

— Кто там?

— Санта... — раздалось из коридора. — Можно мне войти?

— Я не одета.

— Тогда одевайтесь поскорее, госпожа Глория. К вам едут.

— Час от часу не легче. Кто едет?

— Не знаю, — откликнулся из-за двери великан. — Я видел машину из окна. Красный внедорожник. В деревне таких ни у кого нет.

— Ладно, если это ко мне...

Она не договорила, поспешно закрывшись в ванной. В доме Агафона было три спальни, и все с примыкающими к ним ванными комнатами. Очень удобно.

Стоя под душем, Глория лихорадочно размышляла, кто к ней пожаловал.

Ее утренний туалет раньше, в бытность женой бизнесмена, занимал не менее часа. Теперь она управилась за двадцать минут. Подсушила волосы, привела в порядок лицо, надела строгое платье черного шелка и вышла в коридор.

Санта уже поджидал ее там в своем неизменном спортивном костюме. С видом заговорщика он сообщил:

— К вам дама!.. Вернее, она приехала к моему хозяину... бывшему...

— Это знакомая Агафона? — удивилась Глория.

«Почему бы и нет? — ответила она себе. — Разве у Агафона не могло быть знакомых женщин? Возможно, не просто знакомых... Уродство одного из партнеров придает отношениям особый привкус. Извращенным людям для возбуждения порой требуется такое, что на трезвую голову не придумаешь...»

Ей стало стыдно за свои мысли, едва Санта заявил, что видит посетительницу в первый раз.

— В самом деле?

— У меня хорошая память на лица, — серьезно подтвердил тот.

— Где она?

— Я проводил ее в каминный зал... так было заведено при Агафоне. Но если вы прикажете...

— Не будем нарушать традиции. Она представилась?

— Нет...

С легким волнением Глория переступила порог зала. Он был обставлен в красных тонах. Вишневые шторы, такая же обивка мебели, розовый хрусталь люстр. В кресле напротив восьмиугольного столика сидела миловидная худощавая женщина лет тридцати. Увидев Глорию, она привстала...

— Простите, я... мне сказали...

Она смешалась и уронила на пол белые перчатки из тонкой кожи. Санта — неуклюжий увалень — с неожиданным проворством поднял перчатки и с поклоном подал даме. Агафон сумел привить ему галантные манеры.

— Спасибо... — еще сильнее смутилась та.

Она была одета с подчеркнутой элегантностью: белый шерстяной костюм, белые сапожки, белый шарф с длинными кистями. Волосы, забранные назад в аккуратный пучок, на лбу и висках выбивались из прически, вились маленькими темными колечками.

— Могу ли я видеть... Агафона? — выдавила она.

Очевидно, этот визит дался ей с трудом. Она не знала, как называть человека, к которому приехала за важной услугой. Что иное могло заставить ее ехать зимой по ужасным дорогам в такую глушь, как Черный Лог?

— Агафон умер, — сказала Глория.

— Как... умер? Что же мне теперь... Я так надеялась на его помощь...

Дама стиснула руки с красивыми длинными пальцами и перламутровым маникюром. На запястье

сверкнул увесистый золотой браслет. Судя по внешнему виду, она явно принадлежала к обеспеченному слою... хотя ее робость и замешательство выдавали в ней человека неуверенного в себе. Это была не бизнес-леди и не супруга новоиспеченного буржуа. Скорее, содержанка какого-нибудь богатея...

«Актриса! — вспыхнуло в сознании Глории помимо ее воли. — Которая сделала карьеру на деньги спонсора... и делит с ним не только славу, но и постель...»

Однако ей не доводилось видеть сидящую перед ней женщину на большом экране или в телевизионных сериалах. Наверное, та блистает в театре. На звезду эстрады она не похожа...

Поскольку Глория не относилась к заядлым театралкам, то не знала в лицо ведущих артисток. Несколько всплывших в памяти фамилий она отбросила.

В работу включился ум и сразу завел Глорию в дебри. Она решила положить этому конец самым простым способом и попросила гостью представиться.

— Полина Жемчужная, — неохотно вымолвила та.

— Ваш сценический псевдоним?

— Вы меня знаете? — изумилась дама. — А я вас, признаться, не припоминаю. Да, Жемчужная — мой псевдоним. Но имя настоящее.

Она нервно улыбнулась уголками губ. Вероятно, впечатлительная натура с неустойчивой психикой. Под ломаной линией бровей — темные печальные глаза. На скулах — пятна лихорадочного румянца.

— Какое у вас дело к Агафону? — мягко спросила Глория.

— Глубоко личное...

— Не могу ли я заменить его?

— Разве вы... впрочем, что я спрашиваю? Мне рекомендовали Агафона как... предсказателя. Он составлял гороскопы и... Скажите, это ведь грешно, обращаться к таким людям? Ну, в общем...

Глория обратила на гостью исполненный терпения взгляд.

— Вы набожны?

— Не очень... как все, наверное. Бегу в церковь, когда гром грянет...

— У вас неприятности?

— Не надо быть ясновидящим, чтобы догадаться, — с горечью сказала посетительница. — Сюда приходят не счастья пытаться! Верно?

Глория кивнула.

— Если вы боитесь греха, вам не стоило приезжать к Агафону.

— Я боюсь греха! Да, боюсь наказания Божьего! — пылко, словно на театральной репетиции, воскликнула Жемчужная. — Но еще больше меня страшит неизвестность...

— Вы хотите узнать свою судьбу?

— Не свою... ребенка!

— У вас есть ребенок?

Никакого ребенка рядом с этой молодой женщиной Глория не видела. Жемчужная взяла себя в руки и подняла на нее измученные душевными терзаниями глаза.

— Если вы можете заменить Агафона, то не должны задавать мне вопросов.

Она была права. Вряд ли карлик черпал сведения из разговоров со своими клиентами. Они приезжали, чтобы найти *у него* ответы на наболевшие вопросы...

— Конечно.

— Пожалуй, я доверюсь вам, — решила гостья. — У меня нет другого выхода. Я должна знать, иначе...

* * *

Москва.

Лавров отдавал себе отчет, что, когда Глория переедет в Черный Лог, они будут видеться реже. Она не нуждалась в его постоянной опеке, как раньше.

В течение полугода после смерти ее мужа они находились бок о бок, — Глория спасала бизнес от банкрот-

ства, Лавров обеспечивал ее безопасность. Теперь нужда в его услугах и присутствии отпала. То есть он продолжал исполнять обязанности начальника охраны компании «Зебрович и партнеры», но перестал быть личным телохранителем вдовы.

«Ты перестала мне доверять? — однажды спросил он. — Я больше не нужен?»

«Только тебе известно о золотом диске*... — потупившись, обронила она. — О месте его хранения. Я рассчитываю на твою помощь, в случае чего...»

«Издеваешься?! Где я, а где ты? — взвился Лавров. — Из Москвы до твоей деревни два часа езды... при благоприятных обстоятельствах. Пока я доберусь, может произойти все, что угодно! В таком захолустье даже сотовая связь не берет!»

«Со мной же Санта...»

Она полагалась на бестолкового увальня, словно тот был специально обученным охранником. Впрочем, надо отдать должное покойному Агафону, — он основательно натаскал Санту. Но сможет ли слуга действовать в непредвиденной ситуации?

Всю критику Лаврова Глория если не отметала, то выслушивала с изрядной долей скепсиса.

«Мной никто не интересуется, и слава Богу! — повторяла она. — Надеюсь, дом Агафона послужит мне хорошим убежищем. Он предвидел, что я поселюсь здесь».

Лавров только сопел, подавляя приступ справедливого, по его мнению, гнева. Чертов карлик и с того света диктовал условия. А они, живые люди, вынуждены ему подчиняться. Абсурд!

В такие минуты его захлестывала бессильная ярость. Глория продолжает водить его за нос. При жизни ее мужа у Лаврова не было никаких шансов на взаимность. Когда она овдовела, у него появилась надежда. Но с каждым днем эта надежда таяла.

* Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

«Я столько сделал для нее, а она... — сокрушался начальник охраны. — Без меня ей пришлось бы туго. Я спас ее! Помог выпутаться, избежать опасности. Где же заслуженная благодарность?..»

На самом деле ему не нужна была ее благодарность. Он хотел любви. Лишившись мужа, Глория оплакала потерю и как будто успокоилась. Однако женщине — тем более такой красивой и умной — нельзя без спутника. Ей необходима поддержка, верный человек рядом. Должна же она оценить его преданность и старания.

«Наверное, я тороплюсь, — осаживал он себя. — Пусть пройдет время. Рано или поздно загородная жизнь наскучит Глории. Чем ей развлекаться в деревне? Читать? Флиртовать с местным мужичьем?»

— Э, э, э, друг, — вырвалось у Лаврова. — Притор-мози. Не впадай в снобизм, который так тебя раздражает в других...

Он сообразил, что говорит сам с собой, и осекся. Навестить Глорию, что ли? Узнать, как дела? Как ей живется на новом месте? В чужом доме, полном странных вещей странного хозяина...

Лавров вспомнил трехглавого пса Цербера в подвальном помещении, где карлик держал свои колдовские атрибуты, и содрогнулся. Фигурка злобного стража адских врат словно пронзила его насквозь красными глазками. Бр-ррр...

Проблемы потусторонней жизни раньше не занимали начальника охраны, но с некоторых пор...

— Так, все! Хватит! — буркнул он, вставая из-за стола и разминая затекшие мышцы. — Лучше найду обыкновенную покладистую деваху, женюсь, начну семейную жизнь... ребенка заведу, как все нормальные люди...

Поток его сумбурных мыслей прервал Колбин. Он бесцеремонно ввалился в кабинет и с ходу ошарашил Лаврова заявлением:

— Хочу провести нашу безутешную вдовушку. Отвезешь меня? Взгляну на ее загородный коттедж, с но-

восельем поздравлю! Я и подарочек приготовил... Ты чего вытаращился, Рома? Я что-нибудь не то говорю?

— Да нет...

— Тогда жду тебя внизу. Возьми служебный джип. Я слышал, госпожа Голицына чуть ли не в лесную чащобу забралась. Голицына! — фыркнул он. — Как-во?! Едва муж преставился, она фамилию сменила. Вот бабы! Не женись, Рома...

Сам Колбин был убежденным холостяком. По слухам, предпочитал менять молоденьких любовниц и жить в свое удовольствие. Начальник охраны подозревал, что бывший заместитель Зебровича неравнодушен к Глории. Иначе откуда такая непримиримая вражда? Которая нынче сменилась приятельскими отношениями.

Лавров не верил в искренность Колбина. Глория, кажется, тоже не принимала его «симпатию» всерьез. Примириться с вдовой компаньона Колбина заставила жестокая конкуренция на рынке и собственная несостоятельность. Полное отсутствие *креативных* идей поставило его перед выбором: крах фирмы или оправданный риск. Он решился на второе и не прогадал.

«Я хороший скакун, — признавал Колбин. — Мне нужен грамотный жокей, и я приду к финишу в числе первых».

Самолюбие не затмевало Колбину разум, поэтому с ним можно было иметь дело. Неудачная попытка применить в бизнесе каббалу* сделала его зависимым от начальника охраны. Между ним и Лавровым возникла постыдная тайна, которую первый старался забыть, а второй делал вид, что забыл.

Колбин с удовольствием уволил бы Лаврова к чертовой матери. Однако он понимал две вещи. Вряд ли ему удастся добиться на это согласия Глории, которая владела половиной бизнеса. И сор из избы выносить не стоит. Обиженный Лавров распустит про него идиот-

* Каббала — средневековое мистическое учение, практикующее магию.

ские слухи, опозорит и превратит в посмешище. Попробуй потом отмойся.

Вот и сейчас он скрепя сердце смотрел на начальника охраны, который не спешил вскакивать и исполнять поручение, а чего-то выжидал.

— Давай, Рома, иди за машиной, — не повышая голоса, произнес Колбин, проклиная про себя наглого молодого человека.

Рослый подтянутый Лавров имел приятную внешность и явно выигрывал в сравнении с Колбиным. Тот при субтильном телосложении умудрился обзавестись брюшком, а яйцообразная голова и лысина на макушке не добавляли ему шарма.

— Иду, иду, — фамильярно отозвался начальник охраны.

В его глазах читался язвительный вопрос: «А не подбиваешь ли ты клинья к вдове, дражайший Петр Ильич? Это будет выгодный брак. Ведь в случае смерти Глории ты сможешь наложить лапу на все ее имущество!»

Колбин почувствовал, что потеет от скрытого негодования, и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь...

~ ГЛАВА 4 ~

Черный Лог.

Обстановка каминного зала произвела на посетительницу ожидаемое впечатление. Солнечные лучи преломлялись сквозь розовый хрусталь люстры и отбрасывали сияющие блики на бархатную мебель, бронзовые канделябры и пестрые гобелены. В нефритовой курильнице тлел сандал...

Глория не знала, каким образом должно было прийти к ней *прозрение*, и притворилась задумчивой. Ее мозг работал в усиленном режиме, но никаких данных по поводу ребенка сидящей напротив Полины Жемчужной в голову не приходило.

Похоже, дар предвидения ей от Агафона не передан. И что теперь? Извиниться перед актрисой и...

Внезапно в ее сознании возникла кровь... много крови... бледное запрокинутое лицо... белые стены...

— Вы... убили своего ребенка, — вырвалось у Глории прежде, чем она успела прикусить язык. — Убили его...

Дама отшатнулась, ее щеки побелели, а пальцы судорожно стиснули сумочку цвета слоновой кости.

— Нет... вы не можете...

— У вас были на то основания, — уже спокойнее добавила Глория. — С тех пор вас гложет раскаяние. Чувство вины. Но... вы поступили правильно. Вам не за что корить себя...

Откуда у нее брались эти невообразимые выводы, эти страшные слова? Словно внутри нее прятался невидимый подсказчик, который вкладывал фразу за фразой в ее уста, а она лишь послушно их озвучивала...

— Отец ребенка знает?

— Нет, — мотнула головой актриса. — Я скрыла от него свою беременность... Я хотела проверить! Видите ли... у плода выявили патологию. Мне предложили аборт, и я... согласилась. А как бы вы поступили на моем месте?

В ее голосе сквозило отчаяние. Глория обратила внимание, что на безымянном пальце ее правой руки нет обручального кольца. Жемчужная не замужем.

— Это был аборт, — с горечью произнесла она. — Но вы правы. Я убила своего ребенка...

Глория попыталась смягчить жестокий вердикт.

— Возможно, я неправильно выразилась... я имела в виду...

— Не утешайте меня. Убийство ничем нельзя оправдать! Бог дает жизнь, и только Он ее отбирает. Я совершила ужасный грех...

— Мужчина, от которого вы...

— Я не смогла ему признаться! В нашем роду уже случалось подобное...

— Синдром Дауна? — догадалась Глория.

Посетительница подавленно кивнула. Она не знала, что перед ней сидит врач, и приняла слова Глории за новое доказательство ее магических способностей.

— Мне следовало заранее обратиться за генетической консультацией... еще до зачатия. Почему я не сделала этого?! У меня случилось затмение ума! Вы понимаете? Я потеряла голову... обо всем забыла!

Глория старалась вызвать в сознании образ отца ребенка, однако безуспешно. Очевидно, процесс ясновидения не поддается контролю. Или она пока что не умеет им управлять.

— Мое положение тогда было двусмысленным... впрочем, оно и сейчас такое же...

— Отец ребенка не собирается жениться на вас?

— Вероятно, он бы сделал мне предложение, если бы... Нет... думаю, нет.

Госпожа Жемчужная обрывала фразы, предполагая, что собеседница понимает, о чем идет речь. Или же у нее была такая манера общения.

— Вам нужно выговориться, облегчить душу, — сказала Глория. — Вы ходите на исповедь?

— Я не смею... Кроме того, разве между человеком и Богом нужен посредник?

— Иногда да.

— Я не верю священникам! — запальчиво воскликнула актриса. — Где гарантия, что они... Не могу же я требовать от них конфиденциальности?

«Она боится шантажа, — догадалась Глория. — Значит, уже был прецедент».

— Вообще-то тайна исповеди существует априори...

— Скажите еще о врачебной тайне!

«Ее шантажирует... или шантажировал доктор, — констатировала Глория. — Бедная женщина. Мечется, словно птица в силках... Интересно, где она берет деньги, чтобы платить вымогателю? У своего покровителя?»

— Сколько вы заплатили доктору за молчание?

Актриса вспыхнула, — первым ее побуждением было все отрицать. Однако, осознав нелепость подобного поведения, она смирилась с неизбежным. Ей придется рассказывать обо всем. Ведь Глория сразу изобличит ее во лжи.

— Много...

— А требуется еще и еще?

— Я не знаю, что мне делать!

— Сначала вы отдали собственные сбережения, а потом... попросили займы?

— Да. Ненавижу просить, но... — Она расплакалась. — Какой стыд! Я не собиралась говорить об этом...

— Исповедь нужна не мне, а вам, — располагаясь улыбнулась Глория. — Нельзя носить в себе горечь и боль.

Жемчужная пользовалась дорогой тушью, но слезы размыли тщательно нанесенную краску, и на щеках образовались темные потеки.

— У меня нет актерского образования, — начала она. — Зато есть природный талант. Моя бабушка окончила консерваторию, она сама ставила мне голос. Мне очень хотелось петь, но меня никуда не брали. Даже в рестораны. Кого сейчас прельстишь драматическим сопрано*?

«Вот оно что, — мысленно отметила Глория. — Она поет. Вероятно, оперетту... или кое-какие оперные партии. Ясно, почему о ней мало известно. Нынче широкая публика серьезной музыкой не увлекается. То ли дело “попса” или “шансон”».

— Вы родом...

— Из Ярославля, — ответила Жемчужная. — У нас много церквей. После школы я стала певчей в соборном хоре. Наш регент** посоветовал мне выставить в Интернет ролик с исполнением оперной партии. Тогда это было в новинку. Я стеснялась, но он уговорил меня. Нашел человека, который помог сделать запись. Ролик вызвал неожиданный интерес. Меня пригласили на кастинг в Москву.

— Какой-нибудь музыкальный театр?

— Нет... частное лицо...

Она достала из сумочки носовой платок и промокнула глаза. На платке остались черные следы от туши.

— Он меценат? Покровительствует актерам?

— Да... это богатый предприниматель, тонкий ценитель искусства. Образованный, великодушный... Он решил создать собственный камерный театр и как раз

* Сопрано — наиболее высокий женский голос в пении.

** Регент — здесь дирижер церковного хора.

набирал актрис для музыкальной труппы. Мое исполнение ему понравилось... Он предложил обучение за границей, в Италии. За его счет, разумеется. Для меня это был единственный шанс выйти на сцену... пусть маленькую, частную... выступить в концертах...

— И вы согласились.

— Могла ли я отказаться? Моя мечта осуществилась самым волшебным образом. Я была на седьмом небе от счастья! Родители предостерегали меня, но я их не слушала. Они боялись, что вместо выступлений я попаду в постель к своему спонсору, а потом — в заграничный бордель. Стану продажной девицей с оперным голосом. Пикантное дополнение к интимным услугам. Знаете, у обеспеченных мужчин — изощренные вкусы. Они уже не хотят платить за обычный секс.

— Такого с вами не случилось?

— Нет... конечно нет. Я на полгода уехала в Милан, брать уроки вокала. Со мной работали опытные педагоги. Они хвалили мой диапазон, тембр, но заявили, что оперной дивы из меня не получится. Я ведь окончила только музыкальную школу в Ярославле. Денег на продолжение образования не было. Бабушка занималась со мной дома, пока была жива. Мой удел — концертное исполнение. Об оперной сцене нечего и думать.

— Ваш покровитель был разочарован?

Актриса пожала плечами:

— Он оплатил мое обучение, и результат его удовлетворил. Я подавала надежды, а его маленький частный театр не шел в сравнение с настоящим храмом искусства. Мы оба поумерили свои амбиции.

«Он все-таки стал ее любовником, — подумала Глория. — Госпожа Жемчужная весьма дипломатично обходит вопросы о нем. Не хочет признаваться, что без постели не обошлось. Это от его ребенка она избавилась...»

— Что вы на меня так смотрите? — не выдержала посетительница. — Да, мы... полюбили друг друга! Это ведь не зазорно? Мое чувство благодарности переросло в привязанность, потом в страсть. Я выросла в деревянном домишке на окраине, с печным отоплением и

без водопровода. А он показал мне, какой может быть жизнь! Все самое лучшее и приятное мне довелось испытать с ним. Что я видела до переезда в Москву? Нищету, вечные долги... В моей семье приходилось считать каждую копейку. Отец не пьет, но зарабатывает мало. Мама привыкла экономить на всем, — на еде, на одежде. Только здесь, в столице, я научилась носить красивые вещи, причесываться в салоне... у меня появились золотые украшения...

— Его подарки?

— Не без того. Разумеется, я сама зарабатываю. Мне платят приличное жалованье в театре. На все необходимое хватает.

— А на роскошь?

Жемчужная смутилась и залилась краской. Разговор давался ей тяжело. Хотелось бы сгладить кое-какие углы, но лукавить она не умела.

— Я принимаю его презенты... однако никогда ничего не прошу.

— Он старше вас...

— На пятнадцать лет, — кивнула она. — Для мужчины это зрелость.

Глория не то чтобы угадывала, — история провинциалки, которая приехала покорять Москву, была ей знакома. Похожий путь проделали многие.

— Вы меня осуждаете?

— Разве я имею право? — улыбнулась Глория. — Каждый сам строит свою судьбу.

— По крайней мере, я не лезу в чужую семью. Ни у кого ничего не отбираю.

— Он не женат?

Актриса покачала головой. Несмотря на нескромные признания, она держалась горделиво. Ее повадки отличались порывистой грациозностью, а осанка оставалась прямой, как у балерины. Очевидно, ее обучали не только пению, но и танцам.

— Его любили многие женщины, — уклончиво ответила она. — Но ни одна не завладела его сердцем. Он даже не разведен.

- Бережет свою холостяцкую свободу?
- Женитьба ничего не значит. Главное — искренние чувства, а не штамп в паспорте.
- Не спорю, — согласилась Глория. — Вы живете вместе?
- Он снимает для меня квартиру...
- В театре знают о ваших отношениях.
- Этого невозможно скрыть. Он очень увлечен сценой... зачастую присутствует на репетициях. Сам пробует играть.
- Лучшие роли, конечно, достаются вам.
- Да, — просто, без жеманства, подтвердила Жемчужная. — Он, как хозяин театра, имеет решающее слово. Хотя роли распределяет режиссер. Кроме концертов, мы ставим водевили, отрывки из пьес... а сейчас репетируем Шекспира.
- Ого! Что именно? — заинтересовалась Глория.
- «Антония и Клеопатру»...
- Но ведь там нет вокальных партий.
- Зато есть над чем работать. Я имею в виду *играть*. Мы все учимся актерскому мастерству.
- Царица Клеопатра досталась вам, не так ли? Другие актрисы, вероятно, завидуют.
- Жемчужная не стала этого отрицать. Зависть царит в любом коллективе, а в театральном — особенно.
- И вы подозреваете, что ваши товарки прибегают к черной магии, дабы навредить вам.
- Раньше мне такое и в голову бы не пришло... но в последнее время...
- Посетительница смешалась и замолчала, нервно комкая носовой платок.
- ...с вами происходит нечто из ряда вон выходящее, — продолжила за нее Глория.
- Вот именно! Из ряда вон... Понимаете, дело не столько в шантаже... хотя и это ужасно. Мне напророчили смерть! Если я не уберусь из Москвы... то умру...
- За этим вы и пришли, сударыня. А как же ребенок?
- Шантажистка угрожает мне разоблачением. Она

обещает рассказать отцу ребенка... что я... убила его. То есть... сделала аборт.

— У нее есть доказательства? Видеозапись?

— Естественно! — всплеснула руками Жемчужная. — Раз она решилась на такое! Но дело даже не в ней. Что меня ждет? Неужели пророчество сбудется?

Она умоляюще прижала ладони к груди. Вероятно, похожими жестами сопровождалась ее реплики на сцене.

Глория понимала: ей устраивают проверку.

— Я заплачу вам! — пообещала актриса. — Мне сказали, сколько стоит сеанс у Агафона.

— Моя э-э... квалификация несколько уступает его мастерству. Но я попробую...

Глория прикинула, связаны ли между собой шантаж и угроза смерти. Ничего толкового в голову не пришло.

— Врач, который вымогает у вас деньги, — женщина... близкая к вам, — брякнула она наобум.

Посетительница вздрогнула и прикусила губу.

— Знакомая врачаха, — утвердительно кивнула Глория. — Враги обычно находятся в ближайшем окружении.

— Это... моя подруга... вернее, бывшая подруга. Зоя Шанкина...

— Вы делились с ней личными тайнами, а она предала вас?

— Мне не с кем больше было поделиться... во всей Москве. Я доверяла ей. Когда забеременела, обратилась к Зое. Она посоветовала сделать анализы и сказала мне, что ребенок родится дауном. Она гинеколог. Очень хороший специалист. Я решилась на аборт...

— Аборт делали у нее?

— Да... Господи! Зачем ей шантажировать меня? До сих пор не могу понять...

— Вероятно, она нуждается в деньгах...

— Мы познакомились в Италии, на экскурсии. Она отдыхала там, а я училась. Разговорились. Приятно было услышать родную речь в чужой стране. Оказалось, Зоя из Москвы. Не замужем... У нас оказалось

много общих интересов, — любовь к музыке, к искусству древнего Рима... Казалось, мы искренне привязались друг к другу. *Казалось...* — повторила Жемчужная. — Я часто принимаю желаемое за действительное.

Она почти убедилась в способностях провидицы, каковой считала хозяйку этого дома. Ведь Агафон слыл настоящим магом: он умел проделывать *такое...* о чем человек, давший актрисе его адрес, говорил потупившись и шепотом. Преемница Агафона должна обладать недюжинным даром. Иначе не вызвалась бы помочь.

Полине, при ее набожности, было трудно решиться на визит в Черный Лог. Но ситуация не оставила ей выбора. Ее загнали в угол, довели до отчаяния...

«Проверку я выдержала, — сообразила между тем Глория. — Однако настоящее испытание для меня впереди...»

— Деньги, которые вы платили Шанкиной, дал ваш покровитель?

Жемчужная кивнула. К чему лукавить? Кто же, кроме него, располагал подобной суммой?

— Я не сказала ему, зачем мне столько денег...

— И он не спросил?

— Он благородный человек.

— Но в следующий раз вам будет сложно обращаться к нему за очередной ссудой.

— Да... я понимаю...

— Шантажисты не останавливаются на достигнутом. Им всегда мало. Легкий заработок — словно наркотик. Попробовал, и хочется еще.

Глория изрекала прописные истины. Вряд ли Жемчужная настолько наивна, что думает иначе. Она попала в капкан, из которого не вырваться.

— Огласка неприемлема?

— Я не уверена в его чувствах... — призналась актриса. — Достаточно ли сильно он любит, чтобы простить обман? Я должна была сразу предупредить его... сказать о дурной наследственности. Но я не собиралась рожать! Не думала, что забеременею... О боже! Я сов-

сем запуталась... Я могу лишиться всего, чего добивалась! Остаться без работы, без жилья... Скажите, у меня будут еще дети?

Глория слегка растерялась. Как Агафон заглядывал в будущее? У нее нет ни малейшего понятия об этом.

Она вспомнила о хрустальном шаре из его мастерской в цокольном этаже. Может, предложить госте спуститься туда?

«Опрометчиво, — предостерег ее внутренний голос. — Тамошняя обстановка совершенно обескуражит суеверную дамочку. Не стоит торопиться...»

Глория закрыла глаза и представила себе прозрачный шар, отливающий серебром. Внутри шара что-то клубилось, но никакой четкой картины не возникало.

Жемчужная, затаив дыхание, наблюдала за процессом. Перед поездкой она сняла золотой нательный крестик, освященный в обители, и теперь чувствовала себя беззащитной. Но с крестиком соваться в логово колдуна было еще страшнее.

«Господи! Прости мои прегрешения! — мысленно взмолилась она. — Я не ведаю, что творю!»

— Вы мне мешаете, — сказала Глория.

— Извините...

Перед Глорией вдруг промелькнули образы Клеопатры в золоченой короне и Антония с коротким римским мечом в руках...

«Игра воображения, — отмахнулась она. — Жемчужная упоминала о пьесе Шекспира... вот и...»

Мертвое тело в одеянии египетской царицы распростерлось на досках сцены и не желало исчезать... Антоний наклонился, вскрикнул и бросился за кулисы...

Глория открыла глаза. Гостья, с лицом бледнее своего костюма, в ужасе уставилась на нее.

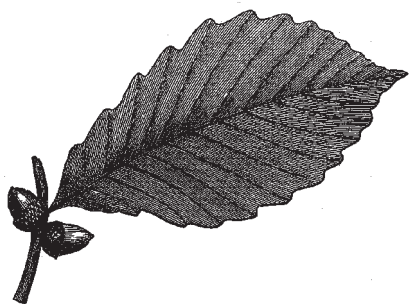
— Что?.. — сдавленно спросила она.

— Не пугайтесь...

— Я никогда не стану матерью?

«Хуже, — едва не вырвалось у Глории. — Тебе грозит смерть!»

— Вам нельзя играть Клеопатру. Ни в коем случае...

~ ГЛАВА 5 ~

Подмосковный поселок Летники.

Картинная галерея Зубова располагалась на втором этаже его большого загородного дома, — там поддерживался определенный температурный режим и влажность. Он старался приобретать подлинники. Выискивал по маленьким городкам и поселкам владельцев живописных полотен, которые не знали им цены. По дешевке Зубов не покупал, — считал обман ниже своего достоинства. Но и заоблачных сумм не предлагал. Картины из частных рук всегда нуждались в реставрации и редко принадлежали кисти знаменитых мастеров.

У одной дряхлой старушки, вдовы местного гравировщика, он купил изрядно попорченный портрет семейной четы, — помещика и его жены. Эксперты признали авторство крепостного живописца Аргунова*. Этим полотном Зубов особенно гордился.

* Николай Иванович Аргунов (1771 — после 1829), крепостной художник.

Ему удалось собрать скромную, но интересную коллекцию, составленную преимущественно из работ русских художников восемнадцатого—девятнадцатого веков. Первый купленный у деревенского старика портрет занимал центральное место в галерее. Он помещался в специальном углублении в стене и был снабжен деревянными резными «ставнями». Зубов запирали их на замок и любовался картиной исключительно в одиночестве.

Он вообще редко водил своих гостей в галерею. Этой чести удостаивались немногие. О таинственном полотне ходили самые разнообразные и порой нелепые слухи. Зубов их не поддерживал, но и не опровергал. Говорили, что картина оказывает опасное влияние на владельца и каждый, кто на нее долго смотрит, становится чуточку не в себе. Сам Зубов якобы слегка тронулся умом... и на этой почве пустился в непомерные траты. Чего стоит его идея создать собственный театр. Затея дорогая, а необходимыми средствами господин Зубов не располагает. Хоть и назвал свою компанию «Крез*», но до богатств истинного Креза ему пока что далеко.

Завистники сплетничали за спиной Зубова, посмеивались и осуждали его. Однако с удовольствием посещали устраиваемые им спектакли и аплодировали голосу и таланту ведущей актрисы Жемчужной.

Хотите читать дальше?

Купите роман "Портрет кавалера в голубом камзоле"

и узнайте, чем закончилась невероятная история Жемчужной и Зубова?

* Крез — обладатель несметных богатств. По имени легендарного лидийского царя Креза.